

Законъ уничества или левиратный бракъ у древнихъ евреевъ.

(Библейско-археологическій очеркъ).

Подъ именемъ левирата извѣстно постановленіе древне-еврейскаго брачнаго права, согласно которому бездѣтная вдова не должна выходить въ новое замужество въ чужую семью, а обязана стать супругою оставшагося въ живыхъ брата умершаго мужа—своего девера (лат. *levir*, откуда и названіе: левиратъ; евр. לֵוִי , *йавам*, греч. *δαίρ*), причемъ старшій сынъ отъ этого второго брака наследуетъ имя и имущество умершаго дяди, именуемаго въ этомъ постановленіи отцомъ его, и является прямымъ продолжателемъ его рода. Коренясь въ сильно развитомъ семейномъ чувствѣ евреевъ, въ воззрѣніяхъ которыхъ считалось большимъ несчастіемъ грозившее семьѣ прекращеніе вслѣдствіе бездѣтности, постановленіе это основано на очень древнемъ обычаѣ, болѣе древнемъ, чѣмъ Моисеево законодательство. Обычай этотъ восходитъ ко временамъ патріархальнымъ: патріархъ Іуда женилъ второго сына своего Онана на вдовѣ старшаго своего сына Ира, умершаго бездѣтнымъ (Быт. 38, 6—10). Въ Моисеевомъ законодательствѣ статья о левиратномъ бракѣ (Втор. 25, 5—10) является единственнымъ и замѣчательнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, воспреещающаго браки въ близкихъ степеняхъ родства (Лев. 18, 6—18. 20, 10—21), въ частности даже и бракъ съ женою брата (Лев. 18, 16. 20, 21—вѣроятно, оставившаго послѣ себя дѣтей); въ данномъ же случаѣ идетъ рѣчь о бракахъ во второй степени свойства, въ какомъ именно родствѣ находятся деверь и невѣстка. Терминъ „ле-

Труды Императ. Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1914 г. 34

вирать“ можетъ быть передаваемъ русскимъ „доверство“ и славянскимъ „ужичество“ (хотя послѣдній, славянскій терминъ шире русскаго); еврейскій же эквивалентъ этихъ названій *ievmut* или *ievamut*—слово одного корня съ названіемъ спеціальнаго талмудическаго трактата о левиратномъ бракѣ „*Ievamot*“ (1-й трактатъ III-го тома Талмуда) ¹⁾.

¹⁾ Литература: А) статьи о левиратѣ въ общихъ и спеціальныхъ библейскихъ словаряхъ и энциклопедіяхъ: *G. B. Winer*, *Biblisches Realwörterbuch* Bd. II (Leipzig 1848), Art. „Leviratshe“, S. 19—20; *D. Schenkel*, *Bibel—Lexicon* Bd. II (Lpz. 1869), Art. „Ehe“; *J. Hamburger*, *Real—Encyclopädie f. Bibel u. Talmud*. I (Neustrelitz 1870), Art. „Ehe“, S. 257; Art. „Schwagerehe“, S. 928; *E. A. Riehm*, *Handwörterbuch des Biblischen Alterthums*, Bd. I (Bielef. u. Lpz. 1893), Art. „Ehe“, S. 351; *J. Levy*, *Neuhebräisches u. Chaldäisches Wörterbuch über Talmudim. u. Midraschim*. Lpz. 1876. Bd. II, 216—217. 64. Bd. I, 532; *J. Herzog—Plitt—A. Hauck*, *Real—Encyclopädie*, Bd. 2 VIII, Art. „Leviratshe“, S. 358. u. Bdd. 3 V, 745 ff. Art. „Familie u. Ehe bei Hebräern“; VI, 584. XV, 291. XVII, 266. XIX, 326; *W. Smith*, *A. Dictionary of the Bible* v. II (London 1863): „Marriage“, p. 246—248; *J. Hastings*, *A Dictionary of the Bible*. III (Edinburgh 1900), p. „Marriage“; 269—270; *T. K. Cheyne*, *Encyclopaedia Biblica* III (London 1902). „Marriage“, col. 2949—2951; *The Jewish Encyclopedia*, ed. by *I. Singer*, VIII (New—York and London 1904): „Levirate Marriage“, p. 45—46. Еврейская Энциклопедія, изд. подъ ред. *A. Гаркави* и *Л. Каценельсона*, т. X (СПБ, 1911), стлб. 115—117; *архим. Никифора*, *Библейская Энциклопедія*, вып. IV (М. 1892), стр. 51; „Энциклопедическій словарь“ *Брокгауза и Эфрона*, т. XVII (СПБ. 1896)—статья *проф. В. М. Нечаева*: „Левиратъ“. стр. 436. Б) статьи и трактаты о левиратѣ въ общихъ библейско-археологическихъ курсахъ и спеціальныя монографіи о предметѣ Талмудическій трактатъ „Ievamot“ по р. перев. *H. A. Переферковича*, *Талмудъ*: Мишна и Тосефа, т. III, кн. 5 (СПБ. 1900), стр. 1—110, гдѣ въ предисловіи помѣщены извлечения изъ мидрашей къ Втор. 25, 5—10, а въ прибавленіи—„актъ“ и „порядокъ халицы и актъ миуна“. *I. Buxtorff*, *Synagoga Judaica*, p. 649—651; *I. Seldeni*, *Uxor Ebraica*. *A. Pfeiffer*, *Dubia vexata*, 314. *J. D. Michaelis*, *Mosaisches Recht* (1770—1775) Th. II. *Jahn*, *Biblische Archäologie* (1796—1805), I—II, S. 261 *I. Saalschütz*, *Archäologie der Hebräer* (1855—6), Th. II, и—*Mosaisches Recht* (1846—8), Th. II. *F. Benary*, *De hebraeorum leviratu* (Berol. 1835), *Geiger*, *Die Leviratshe*—*Jüdische Zeitschrift* 1862, S. 35 f. *G. M. Redslob*, *Die Leviratshe bei den Hebräern* (Lpz. 1836). *F. Keil*, *Handb. d. bibl. Archäologie* (2 A. 1875), Th. II, § 108, S. 535—539 (русск. перев., Киевъ. 1873, ч. II, стр. 85 дал.). *W. Nowack*, *Lehrb. d. hebr. Archäologie* Bd. I (Freib. 1894), S. 344—347 *Mac-Lennan*, *Primitive Marriage* 1865, и—*The Patriarchal Theory* 1885. *B. Stade*, *Gesch. d. Vol-*

По своему происхожденію обычай левирата восходитъ къ временамъ патріархальнымъ; не невѣроятно даже, что еврейскіе патріархи вынесли этотъ обычай съ собою еще изъ Хиттеи. Во всякомъ случаѣ первый библейскій примѣръ левиратнаго брака встрѣчается въ семьѣ патріарха Іуды, четвертаго сына патр. Іакова (Быт. 38, 6—26). Когда первенецъ Іуды, Иръ, женатый на нѣкоей Тамари, за свою порочность былъ умерщвленъ Господомъ (ст. 6—7), Іуда, чувствуя, очевидно, принятому обычаю, отдастъ его бездѣтную цдову Тамаръ въ жену второму сыну своему Онану, причѣмъ смыслъ этого брака опредѣляетъ такими словами: „женись на ней, какъ деверь, и возстанови сѣмя брату тво-

kes Israel, Bd. I (Berl. 1837), S. 393 ff. *F. Buhl*, Die soziale Verhältnisse der Israëlitens (1899), S. 34 (рус. перев., СПб. 1912, стр. 27. 47—48). *Джонс Фенстон*, Древнѣйшая жизнь евреевъ (рус. перев. М. 1884), стр. 5 сл. *H. Zschokke*, D. Weib im alten Testament. (Wien 1883), S 125—130. *Starke*, La famille primitive, Paris 1891. *L. G. Levy*, La famille dans l'antiquite israelite. Paris. 1905, p. 193—205. *Прот. К. Л. Кустодіевъ*, Опытъ исторіи библейской женщины (перев., СПб. 1870), стр. 136—7. *Осиновъ*, Брачное право Востока (Казань 1872), стр. 59 сл. † *Проф. А. П. Лотухинъ*, Семейныя отношенія по закону Момсея Христ. Чтен. 1878, II, стр. 373—377. *И. Масловъ*, Левиратный бракъ у древнихъ евреевъ. Православн. Собесѣд. 1879, окт.-ноябрь. *Проф.-прот. Н. С. Стеллецкій*, Бракъ у древнихъ евреевъ. Кіевъ 1892 (гл. IV: „Левиратъ и Ужичество“), стр. 199—242. „Толковая Библия“ изд. ред. „Странника“. Т. I (СПБ. 1904), стр. 214—217; 646—647. Т. II (СПБ. 1905), стр. 214—223. Т. VIII (СПБ. 1911), стр. 35. Т. IX (1912), стр. 151—153. *Проф. И. Г. Троицкій*, Библийская Археологія (СПБ. 1913), § 63, стр. 232—535. *Проф. В. П. Рыбинскій*, Самаряне. Обзоръ источниковъ для изученія самарянства Исторія и религія Самарянъ (Кіевъ. 1913), стр. 404—405. 439. 447. *Проф. Г. Г. Поповичъ*, Книга пророка Аггея. Опытъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія (Кіевъ. 1913), стр. 226—228. † *Еп. Михаилъ*, Толковое Евангеліе. Кн. 1: Евангеліе отъ Маттея (изд. 8-е, Кіевъ. 1912), стр. 20—21. 426—428. Кн. 2: Евангеліе отъ Марка и отъ Луки (изд. 6 е, Кіевъ 1913) стр. 306—308. *А. Надеждинъ*, Права и значеніе женщины въ христіанствѣ (СПБ. 1873), стр. 22 слѣд. 29 и дал. *Проф. Машановъ*, Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ (Казань 1876), стр. 112. *Джонс Лэбокъ*, [Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка (р. перев. СПб. 1871), стр. 60—61; 80—81. *Проф. свящ. Д. В. Рождественскій*, Книга пророка Захаріи. Исагогическое изслѣдованіе. Сергіевъ посадъ 1910, стр. 16, и др.

ему“ (קָרָא לְעֹנָן עַל אֶרְוֵה פִּתְּחַי עֲבָדָי, γάρβρεσαι αὐτήν, καὶ ἀνάσθησον σπέρμα τῷ ἀδελφῷ σου ст. 8). Но Онанъ, зная, „что сѣмя будетъ не ему“ и, быть можетъ, не желая лишиться старшинства и наслѣдства въ родѣ, предпочелъ исполненію братскаго долга и обязанности левирата то половое злоупотребленіе, которое доставило его имени печальную извѣстность („онанизмъ“), и за которое онъ также былъ умерщвленъ Господомъ (ст. 9—10). Когда, затѣмъ, Иуда, въ силу, быть можетъ, суевѣрнаго страха предъ Тамарью (ср. Тов. III, 7), сдѣлалъ попытку не допустить дальнѣйшаго брака Тамари съ третьимъ сыномъ своимъ Шелою (ст. 11. 14), то Тамарь хитростію достигаетъ желаемаго возстановленія сѣмени перваго ея мужа—обманомъ зачинаетъ уже отъ самого Иуды (ст. 14—18. 24—25), и послѣдній не только долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, но и признать домогательство Тамари дѣломъ справедливости, въ виду неисполненія ея законныхъ требованій супружества съ Шелою (ст. 26). Изъ приведеннаго разсказа кн. Бытія очевидно, что левиратный обычай въ патриархальныя времена имѣлъ вполнѣ обязательную и даже принудительную силу. Въ самомъ дѣлѣ, Онанъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ левирату, не находить возможнымъ открыто уклониться отъ него, а лишь тайно, хотя и преслупно, пытается обойти требованіе обычнаго права. Иуда, всемѣрно желая отстранить бракъ Тамари съ Шелою, вынужденъ былъ для того прибѣгнуть къ притворному мотиву удаленія Тамари изъ своего дома (ст. 11. 14), но въ глубинѣ души продолжалъ считать ее фактической женою Шелы, почему впоследствии беременность Тамари призналъ невѣрностью или измѣною ея Шелѣ (ст. 24). Тамарь считала левиратъ и достигаемое имъ возстановленіе имени перваго ея мужа (Ира) въ такой степени обязательнымъ, что прибѣгла къ хитрости и обману своего свекра (ст. 14—18) ¹⁾. Самъ Господь какъ бы выступаетъ въ защиту

¹⁾ „Хотя Тамарь и замѣчала, что Иуда не хочетъ исполнить общаго, однако благодушно терпѣла, не желая вступить въ супружество“

сохраненія и исполненіи левиратнаго обычая, когда смертію наказывается преступленіе Опана (ст. 9—10).

Существованіе и дѣйствіе левирата въ указанномъ видѣ у праотцевъ или родоначальниковъ еврейскаго народа въ дозаконовую эпоху тѣмъ болѣе понятно, что обычай, аналогичные левирату, существовали и существуютъ у многихъ народовъ древности, а равно и новѣйшихъ: у индійцевъ, монголовъ, арабовъ, персовъ, афганцевъ, друзовъ, черкессовъ, чотиковъ и др. Какъ же отнесся къ обычаю левирата законъ Моисеевъ?

Постановленіе Моисеева законодательства о левиратѣ приложено во Втор. 25, 5—10. Въ этомъ законоположеніи книги Второзаконія о левиратномъ бракѣ нѣкоторые западные библейсты-археологи (*Новаккъ, Бенцигеръ* и др.) находили противорѣчіе съ содержащимися въ книгѣ Левитъ (18, 16, 20, 21) запрещеніями брачныхъ сопряженій съ женою брата, и на этомъ основаніи допускали одновременное происхожденіе и дѣйствіе законоположеній книгъ Второзаконія и Левитъ, предполагая, что запретительныя статьи книги Левитъ произошли въ болѣе позднее время, когда левиратные браки выходили уже изъ употребленія и даже приравнивались къ видамъ кровосмѣшенія, хотя и меньшей степени. Но указанное здѣсь противорѣчіе можетъ быть устранено и безъ предположенія постулируемаго „теоретиками развитія“ разновременнаго происхожденія составляемыхъ въ данномъ случаѣ статей: въ дѣйствительности въ Лев. 18, 16, 20, 21 без-

---

съ другимъ, а переносила вдовство, ожидая благопріятнаго времени, потому что надѣялась родить дѣтей отъ самого свекра своего. И когда она узнала, что свекровь ее умерла, а Иуда пошелъ въ Тамну стричь овецъ, то Тамаръ рѣшилась обманомъ раздѣлить ложе съ свекромъ и отъ него родить дѣтей,—не ради похоти плотской,—нѣтъ, а для того, чтобы не остаться безъ имени. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ было и промышленіе (Божіе), почему намѣреніе ея и исполнилось на самомъ дѣлѣ“. Св. Іоанна Златоуста, Творен. (рус. перев.), т. IV, кн. 2 (СПб. 1896). Бес. на кн. Вытѣя, бес. LXII, 661—662.

условно запрещается бракъ съ женою брата, очевидно *при жизни послѣдняго* (каково было преступленіе Ирода Антипы, Мѡ. 14, 3—4. Мрк. 6, 17. 3, 19), во Втор. 25, 5—10 же, какъ и въ другихъ библейскихъ свидѣтельствахъ о левиратѣ, говорится исключительно о новомъ бракѣ невестки *по смерти* ея перваго мужа съ братомъ послѣдняго.

Но не отвергая и не отмѣняя стариннаго обычая левирата, Моисеево законодательство нѣсколько видоизмѣнило его согласно со своими основными началами: законъ частью ослабилъ принудительную силу левирата по обычному праву, нѣсколько сузилъ или ограничилъ кругъ дѣйствія левиратнаго долга, вообще регулировалъ левиратъ въ видахъ предотвращенія возможныхъ дурныхъ и нежелательныхъ послѣдствій его; при всемъ томъ законъ Моисеевъ обставляетъ и ограждаетъ левиратъ такими формальностями, которыя все же, очевидно, имѣютъ цѣлью косвенное принужденіе деверя къ выполненію обязательствъ левирата.

Положительная часть законоположенія Второзаконія о левиратѣ гласитъ слѣдующее. „Если братья живутъ вмѣстѣ (אֲבִיבִים, ἐπὶ τὸ αὐτό), и одинъ изъ нихъ умретъ, не имѣя у себя сына (לֹא יֵרָא וְיָרָא, οὐκ ἔρα δὲ μὴ ἦν αὐτῷ), то жена умершаго не должна выходить на сторону за челоуѣка чужого, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жену, и жить съ нею. И первенецъ (בְּכֹרֶת, τὸ πρῶτον), котораго она родитъ, останется съ именемъ брата его умершаго, чтобы имя его не изгладилось въ Израилѣ (אֲבִיבִים יֵרָא וְיָרָא אִשְׁתּוֹ לְדֹרֶשׁ אִשְׁתּוֹ מִיִּשְׂרָאֵל κατὰσυνήθετα ἕκ τοῦ ὄνοματος τοῦ τετελευτηκότος, καὶ οὐκ ἐξαιλεῖσθῆσεται τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἐξ Ἰσραήλ. Втор. 25, 5—6)“. Употребленное здѣсь условное выраженіе „если братья живутъ вмѣстѣ“ говоритъ о совмѣстномъ жительствѣ братьевъ на одномъ земельномъ участкѣ и на одномъ общемъ хозяйствѣ; по толкованію же Мидраша, оно, кромѣ того, имѣетъ въ виду лишь братьевъ по отцу (агнатовъ), котоныя одни талмудическимъ правомъ считались законными и полноправными родствен-

вѣнками и наследниками, братья же по митери (единоутробные), по имѣнію разныхъ отцовъ, въ этомъ правѣ не считались и родственниками (вопреки Быт. 20, 12 и др.). Такимъ образомъ, левиратъ обязательенъ для деверя, прежде всего, при наличности двухъ условій: 1) природнаго и юридическаго сродства его съ умершимъ и 2) экономической общности поційя ими одного хозяйства. Эти условія вполне соответствуютъ двойной цѣли левиратнаго брака: сохраненію имени умершаго въ Израилѣ и нераздробленной передачѣ потомству его земельного удѣла. Что касается первой цѣли левирата, то иудейская традиція (Втор. 25, 5 по LXX: *στέρμα δέ ρή ἦν ἀδελφ.* I. Флав., Древн. IV, 8: 23. XVIII, 5: 4. Мидрашъ и Талмудъ) правильно и согласно понимала выраженіе еврейскаго текста „не имѣя у себя сына“ (*бен—зайн—ло*) въ общемъ смыслѣ неимѣнія дѣтей, такъ что, если послѣ покойнаго брата деверя оставалась только дочь, которая въ этомъ случаѣ, по закону Моисееву о наследованіи (Числ. 27, 8. 36, 1 сл.), наследовала удѣлъ отца своего,—то левиратъ не долженъ былъ и не могъ имѣть приложенія. На вторую цѣль левирата,—хотя лишь косвенно,—указываетъ выраженіе разсматриваемой нами статьи закона „если братья живутъ вмѣстѣ“: если бы дѣло шло лишь о бракѣ вдовы со всякимъ деверемъ, то выраженіе это было бы ненужнымъ плеоназмомъ. Въ дѣйствительности же брату, живущему вмѣстѣ (съ умершимъ), здѣсь противопоставляется „чужой человѣкъ“ (*ши зар*), живущій „на сторонѣ“ (*нагуца*),—всякій мужчина, не принадлежащій къ семейству и не имѣющій участія въ его земельномъ владѣніи. Колебъ скоро деверь еще при жизни своего брата жилъ совершенно отдѣльно отъ него, левиратъ опять не могъ имѣть мѣста (иначе, повидимому, представляется дѣло въ вопросѣ саддукеевъ Спасителю, Матѣ. 22, 24 сл.); по талмудистамъ, на подобномъ же основаніи не обязательенъ бракъ левиратный и для брата, родившагося въ семьѣ отца

своего уже послѣ смерти старшаго своего брата, оставившаго бездѣтную вдову (*Мишна, Левитъ II, 1*).

Изъ двухъ указанныхъ цѣлей возстановленіе сѣмени или потомства умершаго брата является главнѣйшею и первенствующею и неизмѣнно отмѣчается во всѣхъ библейскихъ свидѣтельствахъ о левиратѣ (Быт. 38. Втор. 25. Руе. 4): то, „чтобы имя его (умершаго) не изгладилось въ Израилѣ“ (Втор. 25, 6), является главною цѣлью левиратнаго брака, вполне понятною лишь при свѣтѣ высокихъ историческихъ обѣтованій Божіихъ о будущемъ потомствѣ, данныхъ патриархамъ еврейскаго народа (Быт. 12, 2 сл. и др.). Требованіе, чтобы первый сынъ отъ левиратнаго брака оставался съ именемъ умершаго его дяди или брата его дѣйствительнаго отца, имѣть,—вопреки буквальному пониманію Іосифа Флавія (Древн. IV 8: 23), не тотъ смыслъ, чтобы новорожденный обязательно получилъ имя умершаго: это не имѣетъ мѣста, напр., у сына Руен (Руе. IV, 17), названнаго Овидомъ, а не Махлономъ (какъ назывался первый мужъ Руен); имя умершаго принадлежало такому наследнику лишь въ томъ смыслѣ, что онъ вводился въ семью своего умершаго дяди, какъ нареченнаго его отца, вносился въ его родословный списокъ, именовался его сыномъ и потомкомъ и такимъ образомъ продолжалъ память имени его въ народѣ Божіемъ. А вмѣстѣ съ именемъ умершаго этотъ первенецъ, какъ законный сынъ умершаго дяди, лишь родившійся послѣ его смерти, юридически наследовалъ и земельный участокъ и все вообще имущество своего дяди—названнаго отца. Значеніе постановленія закона Моисеева о левиратѣ хорошо резюмируетъ Іосифъ Флавій, говоря: „Это постановленіе должно было послужить къ общей пользѣ, такъ какъ при такихъ условіяхъ роды не вымираютъ, имущество сохраняется въ семьяхъ, и вдовамъ облегчается участь тѣмъ, что онѣ имѣютъ возможность вступить въ бракъ съ ближайшими родственниками первыхъ мужей своихъ“¹⁾.

¹⁾ *И. Флав. Иудейскія Древности, IV, 8: 23, рус. перев. (СПб. 1900) стр. 224.*

Такимъ образомъ, законъ Моисеевъ нѣсколько смягчилъ принудительную силу левиратнаго брака, открывъ возможность уклоненія дщи девера отъ брака при отсутствіи одного изъ двухъ названныхъ условій, тѣмъ болѣе обоимъ вмѣстѣ. При томъ обязанность левирата законъ во всякомъ случаѣ ограничиваетъ только братьями умершаго, тогда какъ обычное право, вѣроятно, распространяло эту обязанность и на родственниковъ, какъ свидѣтельствуетъ рассказъ книги Руоѳъ (гл. III—IV).

При всемъ томъ исполненіе левиратнаго долга всегда неизбѣжно было немалою жертвою со стороны девера. Вступивъ въ левиратный бракъ съ невѣсткою, онъ долженъ былъ отказаться отъ продолженія рода своего чрезъ перваго сына (Быт. 38, 9), а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть нѣкоторому разстройству свой наслѣдственный удѣлъ, свое матеріальное благосостояніе (Руоѳ. 4, 6). Сюда могли присоединяться другія соображенія, не располагавшія къ выполненію левиратнаго долга: желаніе девера самому сдѣлаться наслѣдникомъ имущества брата (въ случаѣ выхода невѣстки замужъ за человѣка другого Израильскаго колѣна, ср. Числ. 36, 3—9), отвращеніе (*horror naturalis*) къ бракамъ въ родствѣ (ср. Лев. 18, 16, 20, 21), наконецъ, самая принудительность или нѣкоторая фатальность левиратнаго брака, столь несвойственная и чуждая существу брачнаго союза. Не рѣдки, поэтому, бывали случаи отказа девера отъ левирата съ невѣсткою (Быт. 38 гл. Руоѳ. 3, 13, 4, 6). Но такой отказъ, по господствовавшимъ тогда воззрѣніямъ, почитался дѣломъ крайне грубаго эгоизма и жестокосердія, поступкомъ не гуманнымъ и противобщественнымъ: отказывавшійся отъ левиратнаго брака, какъ нравственнаго долга, совершалъ нѣкоторое вѣроломство въ отношеніи своего умершаго брата, родной семьи и всего Израиля, по скольку отрекался увѣковѣчить имя умершаго брата, члена общаго съ нимъ родословнаго корня, въ Израилѣ; являлся, нѣкоторымъ образомъ, врагомъ и заповѣди

Божіей о размноженіи челоуѣчества и обѣтованій Божиихъ объ умноженіи сѣмени Авраамова. Общественное древнееврейское мнѣніе клеймило такой поступокъ пятномъ позора. Виновный въ этомъ деверь долженъ былъ подвергаться общественному позору и посрамленію въ видѣ обряда такъ называемой *Халицы* или „разуванія“. Относящееся сюда постановленіе закона находится во Второз. 25. 7—10, служа непосредственнымъ продолженіемъ и дополненіемъ статьи о левиратномъ бракѣ (*тамъ-же*, ст. 5—6). Читается оно такъ. „Если деверь не захочетъ взять невѣстку свою, то невѣстка его пойдетъ къ воротамъ, къ старѣйшинамъ, и скажетъ: „деверь мой отказывается (שׁוֹרֵף, אֲבִי דָּוָה) возставить имя брата своего въ Израилѣ, не хочетъ жениться на мнѣ“. Тогда старѣйшины города его должны призвать его и уговаривать его и если онъ станетъ и скажетъ: „не хочу взять ее“, то невѣстка его пусть подойдетъ къ нему въ глазахъ старѣйшинъ и сниметъ сапогъ его съ ноги его, (וְהִנִּיחַ אֶת-הַסַּנְדָּלִיטַי בְּעֵינָיו, וְאָמְרָה כִּי-אֶבְרָא אֶת-שֵׁם אֲבִי דָּוָה) и плюнетъ въ лицо его и скажетъ: „такъ поступаютъ съ челоуѣкомъ, который не созидаеть дома брату своему (у Израиля)“. И нарекутъ имя ему въ Израилѣ: домъ разутаго“ (Втор. 25, 7—10. ср. Руе. 4, 7—8).

Какъ бы ни понимать описанную здѣсь картину древнееврейскаго общественнаго суда надъ деверемъ, отказывавшимся отъ левиратнаго брака, очевидна цѣль—отмѣтить этотъ фактъ, какъ явленіе противообщественнаго характера, какъ явленіе не гуманное, не нравственное. Слѣдовательно,—заключая *a contrario*, мы и этимъ отрицательнымъ путемъ должны придти къ убѣжденію, что самый институтъ левиратнаго брака общенароднымъ сознаниемъ древнихъ библейскихъ евреевъ разсматривался, какъ исполненіе моральнаго, личнаго и общественнаго, долга деверя овдовѣвшей бездѣтной женщины. Внесеніемъ же этого обычая въ законодательный кодексъ Пятикнижія обычай этотъ былъ возведенъ на степень

закона и получать явственную санкцію, отражающую левиратъ отъ злоупотреблений и произвола отдельныхъ лицъ.

Каково же происхожденіе, каковы смыслъ и значеніе столь своеобразнаго—съ европейской точки зрѣнія—института, какъ левиратъ? Сравнительное изученіе формъ заключенія брака у разныхъ народовъ показало, что обычай левирата или, по крайней мѣрѣ, подобный ему, встрѣчается у цѣлаго ряда племенъ и, такимъ образомъ, можетъ служить однимъ изъ важныхъ показателей общаго состава первоначальныхъ брачныхъ идей. Но анализъ идей, составлявшихъ сущность левирата, породилъ весьма разнообразныя предположенія ученыхъ изслѣдователей о существѣ и смыслѣ этого института.

Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ социологовъ и др. ученыхъ (Бакофенъ, I. Д. Михаэлисъ, Смитъ, дю-Гальдь, Макъ-Леннанъ, Морганъ, Джонъ Лэбокъ и др.), левиратъ вообще, въ частности же и древнееврейскій, представляетъ собою нѣкоторое переживаніе и послѣдствіе особенной формы коммунальнаго или коллективнаго брака—полиандрія, нерѣдко встрѣчавшейся при матриархальномъ укладѣ жизни, когда заправляющее значеніе въ семьѣ принадлежало женщинамъ (въ отличіе отъ позднѣйшаго, патриархальнаго быта, гдѣ главенствующее значеніе, напротивъ, принадлежало патриарху, представителю мужской половины рода). Предполагаютъ, что съ исчезновеніемъ полиандрія и съ возникновеніемъ индивидуальнаго брака, старое полиандрическое представленіе о принадлежности всѣхъ членовъ семьи старшему ея члену выразилось и закрѣпилось въ левиратѣ, индивидуальный бракъ индивидуализироваль—въ наследственно-правовомъ отношеніи—коллективную собственность семьи, которая теперь стала распределяться по отдѣльнымъ поколѣніямъ, вѣтвямъ и удѣламъ. И вотъ для того, чтобы сохранить удѣлъ въ родѣ бездѣтно умершаго, и возникаетъ левиратъ. Къ этому общему объясненію возникновенія левирата Михаэлисъ (*Mosaisch. Recht,*

Тн. II, § 98), въ качествѣ аргумента въ пользу той же теоріи, добавляетъ частное соображеніе—указываетъ на аналогію монголовъ, у которыхъ вслѣдствіе недостатка въ женщинахъ, продававшихся ими сосѣднимъ, жившимъ въ полигаміи, народамъ, всѣ братья должны были ограничиваться одною женой, при чемъ происшедшее отъ нея потомство принадлежало не тому собственно, отъ котораго рождено, а распредѣлялось между братьями такъ, что первое дитя считалось принадлежащимъ старшему брату, второе слѣдующему и т. д.—Но между монгольской и всякою другою полиандріей (существованіе послѣдней у монголовъ, впрочемъ, отрицаетъ извѣстный путешественникъ и историкъ Нибуръ) и еврейскимъ левиратомъ библейскихъ временъ существуетъ, очевидно, развѣ лишь внѣшнее, даже чисто кажущееся, мнимое сходство: первад, полиандрія, есть *одновременное* и совместное обладаніе нѣсколькихъ мужей одною женою, а левиратъ состоитъ въ переходѣ жены одного брата къ другому лишь *послѣ смерти* перваго. Главнымъ же образомъ противъ всей этой теоріи говорятъ проблематичность и недоказанность основного ея предположенія о существованіи нѣкогда коллективнаго брака въ качествѣ общепринятой брачной формы. Историческія въ подлинномъ смыслѣ свѣдѣнія о полиандріи, какъ и о соотносительномъ ей матриархатѣ, очень скудны, въ Библии же вовсе нѣтъ свидѣтельства о существованіи въ какую либо эпоху полиандріи у древнихъ евреевъ, равнымъ образомъ и приводимые нѣкоторыми учеными (Смитомъ, Вилькеномъ, Велльгаузенемъ и др.) сохранившіеся, будто бы, въ Ветхомъ Завѣтѣ свѣдѣнія первобытнаго матриархальнаго состоянія (ссылаются, напр., на Быт. 2, 24. 21, 10. 30, 3 сл. и др., какъ на свидѣтельства о первобытномъ матриархальномъ укладѣ) въ высокой степени сомнительны и недостоверны. Между тѣмъ, если бы когда-либо данная форма брака, свойственная во всякомъ случаѣ лишь самымъ некультурнымъ и дикимъ народамъ, существовала у древнихъ

евреевъ, то о ней сохранилось бы историческія библейскія упоминанія и свидѣтельства, и—главное—о такой брачной формѣ, почти низводящей брачный союзъ до степени половыхъ союзовъ животныхъ, было бы нарочитое запрещеніе въ законодательствѣ Моисеевомъ, въ статьяхъ о запрещенныхъ бракахъ (Лев. 18 и 20 гл.); но ни того, ни другого на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

По другому воззрѣнію (—Вестермарка, *Geschichte der menschlichen Ehe*, 1895; Швалии, *Leben nach dem Tode* 1896, s. 38; Штаде, *Geschichte d. Volkes Israel*, 1887, s. 391, Г. Спенсера, *Основы социологии*, р. перев. т. III, СПб. 1898), корень левирата заключается въ существовавшемъ, будто бы, и у евреевъ, какъ и другихъ народовъ, культѣ предковъ или такъ называемомъ анимизмѣ и тотемизмѣ: безъ левирата умирающій еврей лишался бы величайшаго для него въ мірѣ блага—почитанія въ потомствѣ (Штаде). А на ряду съ этимъ левиратъ, по мнѣнію представителей даннаго воззрѣнія,—былъ также остаткомъ стараго обычая наследованія, вмѣстѣ съ имуществомъ умершаго, и женъ его.—Но исторія библейская не знаетъ о существованіи у евреевъ въ какую-либо пору ихъ историческаго бытія культа предковъ; и еслибы левиратъ произошелъ изъ обоготворенія предковъ или хотя бы представлялъ позднѣйшую трансформачію идеи анимистическаго культа, то этотъ институтъ необходимо отражалъ бы на себѣ специфическія черты этого культа: дѣти, напр., представлялись бы своего рода жертвою бездѣтно умершему члену рода. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго въ левиратномъ бракѣ по библейскимъ и позднѣйшимъ свидѣтельствамъ о немъ іудейскаго преданія не заключалось. Необходимой связи между сопоставляемыми разсматриваемою теорією явленіями вообще не усматривается: въ Египтѣ, напримеръ, былъ широко распространенъ культъ мертвыхъ, но левирата тамъ не было. По поводу же дѣлаемаго теорією сопоставленія левирата съ наследованіемъ женъ вмѣстѣ съ

имуществомъ нужно принять во вниманіе нравственный элементъ левиратнаго института: благоговѣйное отношеніе къ памяти умершаго, проникающее всё свидѣтельство о левиратѣ, добровольное согласіе девера и невѣстки на бракъ, гуманное отношеніе перваго къ бѣдственному положенію послѣдней. Все это рѣшительно не могло имѣть мѣста при наследованіи жень наряду съ прочимъ имуществомъ.

Нравственный моментъ левирата не позволяетъ принять и третье воззрѣніе на него (Мана, Штарке и др.), у представителей котораго левиратъ сближается съ институтомъ индусской „ніюги“, согласно которому потомство бездѣтному мужу можетъ быть обезпечено не только по смерти его, но и при жизни—путемъ передачи имъ на время своей жены другому лицу для рожденія отъ нея сына. Само собою очевидно, что такой, чисто юридическій,—по признанію самихъ сторонниковъ даннаго мнѣнія,—способъ продолженія рода, крайне сомнительный при томъ въ нравственномъ отношеніи, не имѣетъ ничего общаго съ древне-еврейскимъ левиратнымъ бракомъ, въ которомъ религіозно-нравственные мотивы занимали отнюдь не послѣднее мѣсто.

Истинная причина, подлинный источникъ и глубокое основаніе происхожденія левирата у евреевъ заключается въ присущемъ имъ непреодолимомъ желаніи и стремленіи сохранить имя свое въ потомствѣ; древній еврей ничего такъ не боялся, какъ исчезновенія имени его въ народѣ (Чис. 27, 4. 2 Цар. 14, 7. 18, 18. Іер. 29, 32). Отсюда во всѣхъ библейскихъ свидѣтельствахъ о левиратѣ въ качествѣ прямой и главной цѣли его—указывается на возстановленіе и сохраненіе имени или сѣмени умершаго брата (Втор. 25, 6. 7. 9. Быт. 38, 8. 9. Руѡ. 4, 10). Это, свойственное и другимъ народамъ Востока, желаніе имѣть многочисленное потомство, только у евреевъ имѣло возвышенный характеръ и благо-рожденное направленіе, благодаря религіозной основѣ и моральному свойству брачныхъ отношеній по закону Моисееву.

Стремленіе имѣть многочисленное потомство у ветхозавѣтнаго человѣка получало специфически-теократическое освященіе, благодаря великимъ обѣтованіямъ Божиимъ о потомствѣ, размноженіи и иныхъ благахъ, дарованнымъ Богомъ патриархамъ еврейскаго народа (Быт. 12, 2—3 и др.) и имѣвшимъ корень свой въ великомъ райскомъ Первообѣтованіи или Первоевангеліи о сѣмени жены (Быт. 3, 15). Съ другой стороны присущее ветхозавѣтному человѣку стремленіе къ вѣчности,—при отсутствіи вполнѣ яснаго понятія о безсмертіи,—находило свое частичное удовлетвореніе въ ожиданіи продолженія своего рода по прямой линіи, достиженіе чего и обезпечиваетъ законъ левирата. Названное сейчасъ идейное основаніе левиратнаго брака у ветхозавѣтныхъ евреевъ хорошо выражаетъ Юлій Африканскій, говоря: „Такъ какъ тогда еще не было даровано ясной надежды на воскресеніе, то будущее обѣтованіе считали за одно съ воскресеніемъ смертнымъ, лишь бы, т. е., имя усопшаго не исчезало“ (у *Евсевія*, Церковная Исторія, р. перев. СИБ. 1858. Кн. I, § 7. Стр. 28). По характеру же своему и внутреннему существу, левиратный бракъ, какъ и ветхозавѣтный бракъ вообще, не былъ юридическимъ лишь актомъ, контрактомъ, а необходимо являлся и нравственнымъ союзомъ любви, поскольку основывался на свободномъ согласіи и взаимной склонности брачующихся, а, кромѣ того, со стороны девера необходимо предполагалъ болѣе или менѣе самоотверженное исполненіе братскаго долга любви къ умершему брату. По самой юридической своей сторонѣ институтъ левирата проникнутъ былъ высокимъ гуманнымъ духомъ, имѣя цѣль обезпечить права слабѣйшей женской половины Израиля и нѣсколько приравнять женщину мужчинѣ: если обычай многоженства удовлетворялъ мужчину, желавшаго наибольшаго распространенія своего потомства, то законъ ужичества или левирата въ томъ-же отношеніи удовлетворялъ женщину. Безспорно, наконецъ, что, кромѣ идеальныхъ, духовныхъ побужденій къ

левирату, на происхождение и длительное существование его оказывала немалое влияние и причина практически-утилитарного свойства, именно: желание удержать земельное владение в пределах семьи, сохранить в целости фамильную собственность рода. Распределяя землю Ханаанскую во владение коленам, племенам и семействам Израилевым, — законодатель, — в видах сохранения земельной собственности в каждом родѣ согласно первоначальному разделению, — постановилъ, чтобы каждое колѣно, а также каждое племя и семейство были привязаны или прикрѣплены къ своему удѣлу, и чтобы участки переходили изъ рода въ родъ, какъ матеріальное закрѣпленіе той или другой фамиліи (Чис. 26. 54—56. 27, 5—11). Эта практическая тенденція теократическаго закона о землевладѣніи достигалась, между прочимъ, обычаемъ левирата; косвенное указаніе на эту цѣль послѣдняго, какъ мы показали выше, можно усматривать въ начальномъ выраженіи статьи закона о левиратномъ бракѣ: „если братья живутъ вмѣстѣ“ (Втор. 25, 5). Но, очевидно, этотъ утилитарный или жизненно-практический характеръ закона о левиратѣ есть лишь частный случай или отдѣльное выраженіе общаго духа и характера ветхозавѣтнаго закона, въ которомъ вѣчныя религіозно-нравственныя требованія обычно подкрѣплялись или, по крайней мѣрѣ, сопровождались обѣщаніемъ земныхъ благъ, мотивами земного и временнаго благополучія и благосостоянія (Исх. 20, 12. Лев. 25, 18 и мн. др.). Присутствіе или наличность этого рода мотивовъ въ левиратѣ показываетъ лишь то, что, связанный съ общимъ духомъ Ветхаго Завѣта, этотъ институтъ долженъ былъ раздѣлить и общую судьбу послѣдняго: сохраняя по религіозно-нравственной своей сторонѣ значеніе и въ новозавѣтныя времена, онъ долженъ былъ съ прекращеніемъ Ветхаго Завѣта потерять значеніе по своей національно-еврейской окраскѣ, внешне-правовой и условно-обрядовой формѣ. Какъ типичное явленіе въ національной теократіи

Потухаго Завѣта, левирать въ Новомъ Завѣтѣ и его универсальной теократіи не могъ имѣть мѣста (ср. Евр. 8, 13).

Самая историческая судьба левиратнаго брака обнаруживаетъ измѣнячивое, преходящее значеніе этого своеобразнаго брачнаго обычая. Во времена послѣ Моисея исторія даетъ примѣры скорѣе *ужичества* въ широкомъ смыслѣ— съ преобладаніемъ экономическаго момента, чѣмъ левирата въ древнѣйшемъ смыслѣ. Такъ, извѣстный изъ книги Руевъ бракъ Вооза и Руеи, по господствующему въ наукѣ взгляду, былъ именно ужичествомъ въ обширномъ, болѣе позднемъ значеніи, и Воозъ явился въ отношеніи Руеи не левиромъ, а „роэломъ“ („защитникъ“ „избавитель“ и под.), обязаннымъ по закону (Лев. 25, 35) выкупить удѣлъ обдѣнѣвшаго родственника. Однако близкое родство этого брака съ левиратнымъ бракомъ, вообще связь основной мысли книги Руевъ съ идеею левирата не подлежатъ сомнѣнію (Ср. Руе. 1, 11 и гл. 3—4 см. „Толковая Библия“, т. II (Спб. 1905), стр. 214. 223—224) Нѣкоторые исследователи книги Руевъ (Бертольдъ, Бенари) видѣли главную цѣль книги въ оправданіи и восхваленіи левирата, что, впрочемъ, не приемлемо, какъ вслѣдствіе отрицанія этими исследователями историческаго характера книги Руевъ, такъ и по отсутствію въ книгѣ разсказа о левиратѣ въ строгомъ смыслѣ (Воозъ не былъ братомъ Махлона). Разсказъ книги Руевъ показываетъ, что по завоеваніи и занятіи евреями Ханаана и по полученіи отдѣльными родами и семьями своихъ наслѣдственныхъ участковъ, въ институтѣ левирата на первый планъ выступаетъ моментъ материально-практической—закрѣпленіе за фамиліей умершаго его земельного участка. Это можетъ получать свое объясненіе въ условіяхъ того времени,—вызывалось необходимостью оградить твердость и устойчивость землевладѣнія въ отдѣльныхъ фамиліяхъ и семьяхъ, такъ какъ первоначальное распредѣленіе участковъ естественно, не отличалось устойчивостію.

Во время и послѣ вавилонскаго плѣна частію ослабли, частію вовсе порвались старыя фамилныя связи въ еврейскомъ народѣ, смѣшалось или измѣнилось древнее распределение земельныхъ участковъ, а потому институтъ левирата, даже и въ формѣ ужичества, долженъ былъ оставаться безъ примѣненія. Дѣйствительно, въ библейской письменности послѣплѣннаго происхожденія не встрѣчается прямыхъ упоминаній ни о левиратѣ, ни объ ужичествѣ. Лишь косвенныя указанія на существованіе левирата и ужичества во времена послѣплѣнныя и позднѣйшія древніе и новые толкователи находили въ родословіяхъ: при сличеніи нѣсколькихъ родословныхъ таблицъ разности племенъ въ параллельныхъ генеалогіяхъ лучше всего и съ большою вѣроятностью изясняются и въ эти времена изъ существованія левирата-ужичества. Такъ, если въ I Пар. 3, 19 отцомъ Зоровавеля названъ Педайя или Федайя, а въ Ев. Мате. 1, 12 и Лук. 3, 27 имя отца Зоровавеля указано—Салаеииль, то вѣроятнѣе всего объясненіе, что Зороваель, будучи плотскимъ сыномъ Педайи, по закону о левиратѣ, именовался сыномъ умершаго дяди своего Салаеиила, котораго смѣнилъ Педайя, женившись левиратнымъ бракомъ на вдовѣ его ¹⁾. Такимъ же образомъ еще Юлій Африканскій—изъ предположенія левиратнаго брака матери Іосифа Обручника—объяснялъ разность между родословіемъ Ев. Матея 1, 16, гдѣ отцомъ Іосифа названъ Іаковъ, и—Лук. 3, 23, гдѣ Іосифъ названъ сыномъ Ілія ²⁾.

Тѣмъ не менѣе существованіе и совершенная обычность и распространенность левирата—ужичества даже около евангельскаго времени не только очевидны изъ лукаваго вопроса

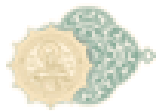
¹⁾ См. у проф. Г. Г. Поповича, Книга пророка Аггея (Кіев. 1913), стр. 228. Св. Епископа Михаила, „Толковое Евангеліе Евангеліе отъ Матея“ (Изд. 8-е Кіевъ. 1912), стр. 21. Евангеліе отъ Марка и Луки (Изд. 6-е. К. 1913), стр. 305—307.

²⁾ См. „Толковая Библия“. Т. VIII (СПБ. 1911). „Евангеліе отъ Матея“. стр. 35.

судуковъ Христу Спасителю о бракѣ семи братьевъ съ одною женою (Матт. 22, 23 сл. и пар.), но и подтверждаются фактомъ неодинаковаго пониманія левирата у фарисеевъ, саддукеевъ и самарянъ. Воззрѣнія послѣднихъ на левиратъ въ историческомъ отношеніи особенно цѣнны, поскольку въ проученіи, культѣ и міровоззрѣніи самарянъ сохранились многіе важные остатки древнѣйшихъ временъ библейскихъ. Въ пониманіи левирата у самарянъ обращалось вниманіе прежде всего на кажущееся противорѣчіе института левирата съ постановленіями закона, запрещающими бракъ съ женою брата (Лев. 18, 16, 20, 21). Не довольствуясь тѣмъ примиреніемъ этихъ статей, какое давали фарисеи, утверждавшіе, что бракъ съ женою умершаго брата былъ запрещенъ, если оставались дѣти, наоборотъ, становился дозволеннымъ и даже обязательнымъ, если братъ умиралъ бездѣтнымъ, самаряне предложили другой выходъ: левиратъ дозволенъ и даже обязательенъ лишь съ формально-обрученною невѣстой умершаго брата; если же послѣдній вступалъ въ дѣйствительныя супружескія отношенія съ женою, то она не могла уже требовать левиратнаго брака отъ девера (Kid-dusch. 75 b. 76 a). Позднѣе самаряне обязанность и допустимость левирата перенесли на болѣе отдаленныхъ родственниковъ умершаго мужа, понимая еврейское *ax*, אָח, во Втор. 25, 5 сл. въ смыслѣ родственника вообще и даже близкаго друга¹⁾. Довлѣющею причиною устраненія левирата самаряне считали то обстоятельство, если деверъ или вообще родственникъ по мужу вдовы уже имѣлъ двухъ женъ: самаряне допускали лишь бигамію, и то лишь въ случаѣ безплодія первой жены, и запрещали брать третью жену²⁾.

¹⁾ Проф. В. П. Рыбинскій Самаряне.. Кіевъ 1913, стр. 405.

²⁾ E. Kautsch, Art. „Samariter“.—Real. Encycl. 3 A. Hauck. Band. XVII, S. 437

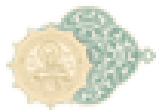
Саддукеи въ пониманіи левирата приближались къ самарянамъ, и отрицали фарисейскіе взгляды на левиратъ. И саддукеи, подобно самарянамъ, примѣняли законъ о левиратѣ лишь къ обрученной невѣстѣ, а не къ женѣ умершаго. Возможно, что вопросомъ своимъ Христу о женѣ семи братьевъ по левирату (Мѡ. 22, 23 сл. Марк. 12, 18 Лук. 20, 28) саддукеи имѣли въ виду осмѣять не только ученіе фарисеевъ о воскресеніи мертвыхъ, но и ихъ сужденія о левиратѣ. „Иронія вопроса заключалась въ указаніи на неразрѣшимый съ фарисейской точки зрѣнія случай. Для саддукейскаго же пониманія левирата отвѣтъ былъ ясенъ: жена могла быть женою только послѣдняго, такъ какъ для первыхъ шести она могла быть только невѣстой“¹⁾.

Въ раввино-талмудическую эпоху,—по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе помрачались чистыя библейскія представленія о существѣ брака, о положеніи въ семьѣ и значеніи женщины,—постепенно искажалась самая идея и главная цѣль левирата—облегчить положеніе вдовы. Въ эту пору, вслѣдствіе отчасти измѣнившихся условій жизни, бездѣтная вдова, въ силу закона о левиратѣ, была поставлена въ весьма тягостное положеніе, такъ какъ она чувствовала себя поневолѣ „связанною съ деверемъ“ (*зекука—лейявам*). Настояла, поэтому, необходимость ввести извѣстныя облегченія. Талмудъ признаетъ, что люди уже не стремятся больше къ сопряженной съ левиратомъ нравственной цѣли, а потому высказывается болѣе за недопустимость этого брака; но коренному воззрѣнію Талмуда, уклоненіе отъ левиратнаго брака и исполненіе соответствующаго обряда „халицы“ предпочтительнѣе самого левиратнаго брака (*Бехоротъ*, I, 7), причемъ, однако, и халица не рѣдко становилась актомъ, стѣснявшимъ свободу женщины. Подробнѣйшее описаніе разныхъ формальностей при

¹⁾ Проф В. П. Рыбинскій, Цитир. соч., стр. 447 примѣч.

исполненіи закона о левиратѣ или халицы дано въ спеціальномъ талмудическомъ трактатѣ „Левамотъ“ (1-й трактатъ III го содера или тома Мишны—Талмуда). Здѣсь, въ массѣ невозможныхъ скрупулезныхъ, казуистическихъ подробностей, совершенно тонетъ и исчезаетъ чистая сущность левирата библейскихъ временъ. Послѣ утомительнаго перечисленія возможныхъ и невозможныхъ случайностей, устранивающихъ левиратный бракъ (гл. I—XI), излагается процедура халицы (гл. XII). Какъ видно отсюда, какъ заключеніе левирата, такъ и устраненіе его посредствомъ халицы совершалось „бетъ—диномъ“, судомъ, или судьями данной мѣстности (XII, 1). Деверь и невѣстка приходили къ судьямъ, которые и давали первому подобающій совѣтъ, послѣ чего невѣстка заявляла: „деверь мой отказывается возстановить имя брата своего въ Израилѣ, не хочетъ жениться на мнѣ“, а онъ говорилъ: „не хочу взять ее“. Это они произносили на священномъ (древне-еврейскомъ) языкѣ. Тогда невѣстка на глазахъ судей подходила къ деверю, снимала съ него сапогъ или башмакъ и плевала ему въ лицо такъ, чтобы слона была видна судьямъ,—и произносила слова: „такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который не созидаетъ дома брату своему“. Всѣ стоящіе при этомъ трижды произносили „разутый“ („халуць“) (XII, 6). Въ удостовѣреніе совершенія обряда халицы и совершенной свободой невѣстки выйти замужъ на сторону впоследствии бетъ-диномъ выдавалось особое свидѣтельство—„актъ халицы“, подобно тому какъ выдавалось особое свидѣтельство и въ случаѣ согласія деверя на бракъ съ невѣсткой, имѣвшее въ послѣднемъ случаѣ значеніе левиратной кетубы ¹⁾.

¹⁾ „Актъ халицы“ и текстъ левиратной кетубы помѣщены на русскомъ языкѣ въ приложеніи къ русскому переводу тр. „Левамотъ“ См. „Талмудъ. Мишна и Тосефта“. перев. *Н. Персиферковича*, т. III, кн 5. (СПБ. 1900), стр. 103—104. См. у проф. *И. Г. Троицкаго*, *Виблейская Археологія* (СПБ. 1913), стр. 234—235, примѣч.

Безжизненная схоластика Талмуда въ вопросѣ о левиратѣ (какъ и въ другихъ случаяхъ) была бѣзсилна урегулировать практически-жизненное примѣненіе закона о левиратѣ. Поэтому въ дѣйствительности каждая община еврейская въ рѣшеніи вопроса о левиратѣ была предоставлена себѣ самой и рѣшала его въ соответствии съ своимъ духовнымъ складомъ и внѣшними условіями жизни. Всѣ западные евреи—такъ называемые Ашкеназы (евреи нѣмецкіе, польскіе, русскіе и др.), болѣе склонные къ моногаміи и болѣе расположенные къ новшествамъ прогресса въ общественной жизни, совершенно отмѣнили левиратъ, объявивъ допустимой и нужной только халицу. Напротивъ, евреи восточные—такъ называемые Сефарды (испанскіе, португальскіе, нѣкоторые турецкіе и палестинскіе) придерживаются факультативнаго левирата, т. е., обѣимъ сторонамъ представляется въ каждомъ данномъ случаѣ заключить бракъ или освободить вдову посредствомъ халицы. Въ настоящее время левиратъ болѣе или менѣе послѣдовательно соблюдается евреями въ Персіи. Вообще же повсюду практическое значеніе у евреевъ принадлежитъ лишь акту и обряду халицы.

Святи. А. Глаголевъ.